

Рецензии и обзоры

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-166-174

**ЯЗЫК ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Э. ЛЮ «СТАНДАРТИЗИРУЯ РАЗНООБРАЗИЕ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ЯЗЫКОВЫХ РЕЖИМОВ».
УНИВЕРСИТЕТ ПЕНСИЛЬВАНИИ. 2015**

Г. А. Данилова¹

Статья посвящена обзору книги Эми Лю «Стандартизируя разнообразие: политическая экономия языковых режимов». Рассмотрены понятия «языковая политика» и «языковой режим», показаны разные типы институциональных соглашений, которые ложатся в основу классификации разных языковых режимов, разработанной Лю: властно-концентрирующих, властно-долевых, властно-нейтрализующих, нейтрализующе-долевых. В типологии языковых режимов исследовательница опирается на два вида критериев: количество признанных языков (один или много) и природа признанных языков (родной или лингва франка). Этнолингвистическая гетерогенность, по мнению Лю, оказывается одним из ключевых факторов выбора того или иного вида институционального соглашения. Низкий уровень гетерогенности создает властно-концентрирующие режимы, высокий – властно-нейтрализующие. По сути, как отмечает Лю, языковые режимы являются политическими институтами, определяющими, какая языковая группа будет единолично обладать и распоряжаться ресурсами в данной политической системе.

Этнолингвистическая гетерогенность является препятствием на пути к успешному экономическому и политическому развитию государства, как полагает Лю, поэтому необходимо стремиться к уменьшению уровня языкового разнообразия институциональными методами. Каждый из выделенных исследовательницей типов языковых режимов обладает рядом преимуществ и недостатков, в той или иной степени поощряя культурный эгоизм, коммуникативную эффективность и коллективное равенство. Однако с точки зрения справедливости, наиболее успешным, по мнению исследовательницы, следует считать властно-нейтрализующий режим, в котором основным языком признается единст-

¹ Данилова Галина Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: galyda@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-1069-5411. ResearcherID: N-3087-2018).

венный язык (лингва франка). Равенство языковых групп в таком режиме умножает социальный капитал, способствует привлечению иностранного капитала и в целом благоприятно сказывается на показателях экономического роста в государстве.

Ключевые слова: языковая политика; языковой режим; этнолингвистическая гетерогенность; политическая экономия; политические и экономические аспекты; социальный капитал; Юго-Восточная Азия.

Языковой режим и языковая политика – понятия довольно распространенные в политическом дискурсе, хотя в российском политологическом поле эти термины сравнительно новы, особенно если речь заходит о языковых режимах. В российском экспертном сообществе чаще принято говорить о языковой политике по отношению к разным группам населения. Например, под языковой политикой понимают совокупность мер, предпринимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям¹. Или, более лаконично, языковая политика представляется как совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве [1]. Некоторые исследователи предпочитают разделять языковую политику и политику языка: в первом случае это проведение определенного курса, опирающегося на процедуры принятия решений, во втором – скорее, некоторая область деятельности или отношений между разнородными акторами [4, 18].

Понятие «языковой режим», или «языковой территориальный режим» предлагается использовать для описания политических результатов и эффектов языковой преференциальной политики [4, 31]. Н.В. Борисова, один из первых российских исследователей, сосредоточившихся на проблематике языковых территориальных режимов, рассматривает языковой режим как понятие, характеризующее разные системы институциональных соглашений относительно использования языка в сообществе и определяемых ими образцов языкового поведения и взаимоотношений в сообществе [5, 9].

Язык, являясь одним из маркеров этнической идентичности, в мультиэтническом государстве может выступать мощным политическим инструментом, влияющим на варианты и модели взаимоотношений разных этнических групп,

¹ Языковая политика // Словарь социоллингвистических терминов. URL: https://sociolinguistics.academic.ru/904/Языковая_политика.

как объединяя, так и разделяя их. Именно исходя из этого тезиса, Эми Лю в книге «Стандартизируя разнообразие: политическая экономия языковых режимов» фокусируется на разных типах институциональных соглашений, обуславливающих характер политических режимов в современных государствах. Исследовательница рассматривает регион Юго-Восточной Азии (случаи Малайзии, Сингапура и Индонезии), анализируя разные варианты реализации языковой политики через языковые режимы в условиях гетерогенности. Безусловно, поднятая Лю проблематика языкового режима актуальна для многих государств современного мира. Исключение не составляет и Россия, история языковой политики которой уходит корнями еще в XIX в. Даже беглый взгляд на историю советской России позволяет проследить параллель с рассматриваемыми Лю случаями Индонезии и Сингапура, где основным языком общения между многочисленными этническими группами стал лингва франка – язык, используемый большинством, но являющийся родным языком для сравнительно небольшой группы населения (в России – русский, в Индонезии – малайский/индонезийский, в Сингапуре – английский). Лю, однако, оговаривается, что случай России во многом уникален, поскольку мало какие колониальные языки одновременно в одной и той же стране являлись языком меньшинства (в нерусских советских республиках) и средством всеобщей межэтнической коммуникации. И на сегодняшний день русский все еще используется как язык практического общения в некоторых частях бывшего Советского Союза.

Рассуждая об этнолингвистической гетерогенности государств как о препятствии на пути к успешному развитию и процветанию, Э. Лю приводит разные аргументы на этот счет: от библейских сказаний и индуистских легенд до взглядов современных экономистов и политологов, утверждающих, что этническое разнообразие ухудшает экономические показатели, ведет к демократической нестабильности и гражданским войнам, снижает уровень социального капитала. Каждое государство решает вопрос с гетерогенностью по-своему, выбирая тот или иной тип языкового режима, наиболее подходящий существующим условиям. Какова природа языкового режима? - задается вопросом исследователь. Выбор режимов обусловлен не внешними обстоятельствами, скорее – внутренними. Это институциональный выбор, который, в свою очередь, является результатом стратегических взаимодействий и стратегическим ответом на политически релевантную языковую гетерогенность страны. Низкий уровень гетерогенности создает властно-концентрирующие режимы, высокий – властно-нейтрализующие.

В фундаментальном смысле языковые режимы, определяющие правила и нормы использования языка, являются институтами. Но это не просто институты, как предупреждает Лю, это политические институты, так как они определяют, какая именно языковая группа будет владеть ресурсами и авторитарно их

распределять в данной политической системе. В типологии языковых режимов исследовательница опирается на два вида критериев: 1) количество признанных языков (один или много); 2) природа признанных языков (родной или лингва франка). В связи с этими критериями Лю выстраивает горизонтальное и вертикальное измерения языка, на крайних полюсах которых располагаются соответственно монолингвизм и мультилингвизм, родной язык и лингва франка. Теоретически, как подчеркивает исследовательница, монолингвизм более эффективен, поскольку менее затратен, как с точки зрения финансовых издержек, так и ошибок перевода, приводящих к конфузам в мировой политике. Но с другой стороны, мультилингвизм кажется более демократичным решением, так как дает ощущение равенства и справедливости. Что касается полюсов с родным языком и лингва франка, то, по мнению Лю, лингва франка, являясь языком третьей стороны, может служить успешным средством межэтнической коммуникации, почти не обремененным оценочной коннотацией. Хотя в случае с лингва франка, происхождение и принятие этого языка в отдельно взятом государстве почти всегда связано со спорными страницами прошлого – колониальным захватом, религией или торговлей.

Исходя из того, к какому полюсу в горизонтальном и вертикальном измерении тяготеет языковой режим конкретного государства, Лю делит режимы на четыре типа: властно-концентрирующий, властно-долевой, властно-нейтрализующий и нейтрализующе-долевой. Во властно-концентрирующем режиме языковая власть принадлежит родному языку одной коренной группы. Чаще всего политическое доминирование этой группы обусловлено ее наиболее значительным, по сравнению с другими, численным составом. Примером такого режима служит Бангладеш, где на бенгальском языке говорит 80 % населения. Лю сравнивает подобные режимы с мажоритарной избирательной системой, где второе место оказывается местом проигравшего, а победитель получает все. Как отмечает исследовательница, такой режим совсем не отражает реальной демографической ситуации в стране, это результат институционального выбора, и он порождает ощущение неравенства.

Властно-долевые режимы признают несколько родных языков, правда степень признания разнится от страны к стране. Несколько признанных языков могут иметь равный статус (как в Канаде), либо встраиваться в соподчиненную систему, где на официальном уровне признан один язык, но на уровне образования равно соседствуют целых три (случай Малайзии). Властно-нейтрализующие режимы используют лингва франка в качестве признанного языка – только он используется как для официальных, так и для образовательных целей. Так происходит в Индонезии с малайским языком, получившим название индонезийского, или в Папуа-Новой Гвинее, самой этнически разнообразной стране в мире, где уживаются более 80 языков, но лингва франка здесь –

язык колониальной истории - английский. Однако о справедливости в отношении всех языковых групп в подобных режимах говорить вряд ли придется. Скорее ключевым здесь является вопрос: почему релевантные языковые группы соглашаются на использование лингва франка вместо своих родных языков.

Последний, нейтрализующе-долевой режим, представляет собой гибрид – он соединяет признание лингва франка и родных языков. Не имеет значения, сколько родных языков признается, важен сам факт. Так, на Филиппинах лингва франка является английский, доставшийся от колониального прошлого, а родным – филиппинский (язык политически доминирующей группы тагальцев, составляющей 25% населения). А в Индии, помимо английского как лингва франка, признано 22 родных языка. Примечательно, что и властно-нейтрализующий, и нейтрализующе-долевой режимы не препятствуют признанию нескольких языков в качестве лингва франка. Например, в Восточном Тиморе целых три языка используются как лингва франка – португальский, индонезийский и английский.

Э. Лю отмечает, что использование лингва франка в современном мире, одного или в сочетании с другими языками, – довольно частое явление. Из 104 стран, получивших независимость между 1945 и 2005 гг., почти половина (48) признала лингва франка в той или иной мере. Больше всего Лю интересуют два вопроса: что заставляет языковые группы поступаться своими языками в пользу лингва франка и каковы последствия этих уступок. Для ответа на эти вопросы исследовательница пользуется качественными и количественными методами, среди которых статистический анализ азиатских стран за период с 1945 по 2005 гг. и подробное отслеживание процесса в Малайзии и Сингапуре. Фокус внимания сконцентрирован на сфере государственного образования.

Основываясь на изучении случаев, Лю заключает, что основными факторами институционального выбора языкового режима являются отнюдь не сложные этнические отношения, колониальное наследие или необходимость нациостроительства в условиях обретенной независимости. То, что действительно имеет значение – это уровень этнолингвистической гетерогенности, которая вынуждает правительство решать и находить приемлемый баланс между тремя К: культурный эгоизм, коммуникативная эффективность и коллективное равенство языковых групп. При высоком уровне гетерогенности институциональный выбор падает на режимы, признающие лингва-франка, при низком – языковая власть концентрируется в руках доминирующей политической группы с ее родным языком.

Лю доказывает, что наиболее справедливым из четырех типов языковых режимов оказывается властно-нейтрализующий режим, в котором основным языком признается только лингва франка. Равенство языковых групп преумножает социальный капитал: доверие, веру в альтруизм других, что, в свою оче-

редь, благотворно сказывается на экономическом росте и привлечении иностранного капитала в качестве инвестиций в экономику. Тем не менее, исследовательница признает, что из трех режимов, делающих уступки языковым группам, каждый имеет свои уникальные преимущества и недостатки. Властно-долевой режим дарует коллективное равенство, но ценой высокой степени культурного эгоизма и коммуникативной неэффективности. Цена эта возрастает по мере увеличения числа языковых групп. Во властно-нейтрализующих режимах, напротив, языковые группы вынуждены значительно умерить свой культурный эгоизм в пользу большей коммуникативной эффективности: взамен они получают межэтническую коммуникацию и эгалитаризм. Нейтрализующе-долевые режимы отличаются тем, что дают возможность практиковать все три К (культурный эгоизм, коммуникативную эффективность и коллективное равенство), но эти преимущества не носят явного характера вследствие гибридности режима. Скорее признание дополнительных родных языков вкупе с лингва франка порождают неэффективность и неравенство.

Рассуждая в основном в терминах равенства и эффективности, Э. Лю в своей работе лишь вскользь отмечает основной политический эффект выбора того или иного режима – преодоление и разрешение этнополитических конфликтов. Между тем именно на это направлена прежде всего любая языковая политика, особенно в странах с высоким уровнем этнической и конфессиональной гетерогенности, таких, как Индия или Индонезия, например. В двух последних типы институциональных соглашений разнятся: Индонезия выбрала властно-нейтрализующий режим, Индия – нейтрализующе-долевой. И в том, и в другом случае, основной задачей властных институтов было предотвратить фрагментацию и избежать этно-религиозных противостояний. Официальная политика Индии направлена на защиту языковых меньшинств, хотя более пристальный взгляд обнаруживает, что от штата к штату содержание языковой политики меняется с позитивного на негативное, зачастую не решая проблемы территориальной целостности, а напротив сегментируя региональное пространство [3, 106]. В отличие от Индии, индонезийское правительство старается не акцентировать внимание на этноконфессиональных факторах и официально не признает себя мультиэтническим государством, с первых дней независимости здесь проводится политика равноправия всех этнических групп. Индонезия позиционируется как единая и неделимая страна с индонезийской нацией [6, 80]. Конфессиональные различия здесь в основном соотносятся с этническими, но именно первые являются в большей мере причиной разногласий в индонезийском обществе. Выбор малайского языка в качестве лингва франка стал удачным решением индонезийских властей, обусловившим политическую стабильность и экономический рост этого государства после обретения независимости.

Сформулированная Лю типология языковых режимов, ее теоретическая аргументация факторов вариативности языковой политики и ее эффектов оказываются интересными в контексте осмысления российского опыта языковой политики. После распада Советского Союза, в котором языковая политика носила систематизированный, четкий и целенаправленный характер, в постсоветской России, по мнению исследователей, единой продуманной политики за эти годы так и не появилось: «Сколько-нибудь ясные цели не ставятся, а выработка политики целиком передана от центра к регионам, где ведется по-разному: где-то проявляется местный национализм, где-то излишняя русификация» [2, 20]. В целом же, попытка придерживаться унаследованной от советского режима модели политики, где русский язык в качестве лингва франка используется наряду с родными языками остальных этнических групп (нейтрализующе-долевой режим в классификации Лю) наталкивается в современной России на сложности, связанные с большим многообразием родных языков в отдельных регионах. Последнее приводит к разнообразным вариациям в реализации языковой политики в зависимости от региональных особенностей, включающим регионы, где используется только русский язык, и регионы, где помимо русского функционируют несколько родных языков.

Библиографический список:

1. *Алпатов В.М.* Что такое языковая политика? ГРАМОТА.РУ – справочно-информационный интернет-портал «Русский язык». [Alpatov V.M. Chto takoe yazykovaya politika? GRAMOTA.RU – spravochno-informatsionnyj internet-portal "Russkiy yazyk" [What Is Language Policy? GRAMOTA.RU-Reference and Information Internet Portal "Russian Language"]. 19.12.2003]. Available at: http://gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_493 (accessed 03.06.2018).
2. *Алпатов В.М.* Языковая политика в России и в мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сент. 2014 г.): доклады и сообщения / отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М., 2014. 637 с. [Alpatov V.M. Yazykovaya politika v Rossii i v mire // Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 16–19 sentyabrya 2014): Doklady i soobshcheniya. [Language Policy in the Russian Federation and in the World // Language Policy and Language Conflicts in Contemporary World: International Conference (Mos-

- cow, September 16–19, 2014): Reports and communications. Ed. by A. N. Bitkeeva, V. Yu. Mikhal'chenko. The Institute of Linguistics of the RAS, Research Center on Ethnic and Language Relations]. Moscow, 2014. 637 p.]
3. *Борисова Н.В., Бородина Л.С.* «Борьба за язык» и языковая преференциальная политика как факторы этнополитической конфликтности в современной Индии // *ARS ADMINISTRANDI*. 2016. № 4. С. 95–113. [Borisova N.V., Borodina L.S. «Bor'ba za yazyk» i yazykovaya preferentsial'naya politika kak faktory etnopoliticheskoy konfliktnosti v sovremennoy Indii [“Struggle for Language” and Language Preferential Policy as Factors of Ethnic Conflicts in Modern India] // *ARS ADMINISTRANDI*. 2016. No. 4. P. 95–113].
 4. *Борисова Н.В.* Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. М., 2017. 189 с. [Borisova N.V. *Kogda yazyki v ogne: osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnosheniyakh* [When Languages are on Fire: Disputing Language Regimes as a Challenge to the Balance in Interethnic Relations]. Moscow, 2017. 189 p.]
 5. *Борисова Н.В.* Языковой территориальный режим: концептуализация понятия // *ARS ADMINISTRANDI*. 2016. № 3. С. 5–15. [Borisova N.V. *Yazykovoy territorial'nyj rezhim: kontseptualizatsiya ponyatiya* [The Concept of Linguistic Territorial Regime] // *ARS ADMINISTRANDI*. 2016. No. 3. P. 5–15].
 6. *Золотухин И.Н.* Индонезия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность // *Ойкумена*. 2010. № 3. С. 79–91. [Zolotukhin I.N. *Indoneziya v zerkale etnokonfessional'noy situatsii: istoriya i sovremennost'* [Indonesia in the Aspect of the Ethnoconfessional Situation: History and Modern Time] // *Ojkumena*. 2010. No. 3. P. 79–91.]. Available at: https://ojkum.ru/arc/lib/2010_03_08.pdf (accessed 10.06.2018).
 7. Языковая политика // *Словарь социолингвистических терминов*. [Yazykovaya politika // *Slovar' sotsio-lingvisticheskikh terminov* [Language policy // Glossary of sociolinguistic terms]. Available at: https://sociolinguistics.academic.ru/904/Языковая_политика (accessed 02.06.2018).
 8. *Liu, Amy H.* Standardizing diversity: the political economy of language regimes. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, Pennsylvania. 2015. 265 p.

LANGUAGE DOES MATTER.
BOOK REVIEW: LIU, AMY H. *STANDARDIZING DIVERSITY:*
THE POLITICAL ECONOMY OF LANGUAGE REGIMES
(University of Pennsylvania Press, Philadelphia, Pennsylvania. 2015. 265 p.)

G. A. Danilova

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science,
Perm State University

The article provides a review of Amy Liu's book *Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes*. The paper discusses the concepts "language policy" and "language regime" and shows the different types of institutional agreements that form the basis for the classification of different language regimes developed by Liu: power-concentrating, power-sharing, power-neutralizing, and neutralized-sharing. In the typology of language regimes, the researcher relies on two types of criteria: the number of recognized languages (one or many) and the nature of recognized languages (mother tongues or lingua franca). Ethnolinguistic heterogeneity, according to Liu, is one of the key factors in choosing a particular type of institutional agreement. A low level of heterogeneity enables power-concentrating regimes, whereas a high level creates power-neutralizing ones. In fact, Liu notes, language regimes are political institutions that determine which language group will possess and distribute resources in a given political system.

Liu believes that ethnolinguistic heterogeneity is an obstacle to the successful economic and political development of the state; therefore, it is necessary to strive for reducing the level of linguistic diversity by institutional means. Each type of language regimes identified by the researcher has a number of advantages and disadvantages, encouraging cultural egoism, communicative efficiency and collective equality to various extents. However, the researcher argues that in terms of fairness the power-neutralizing regime with lingua franca as the only recognized language is the most successful one. The equality of language groups increases social capital, attracts foreign capital and generally has a positive impact on the economic growth in the state.

Keywords: language policy; language regime; ethnolinguistic heterogeneity; political economy; political and economic aspects; social capital; Southeast Asia.